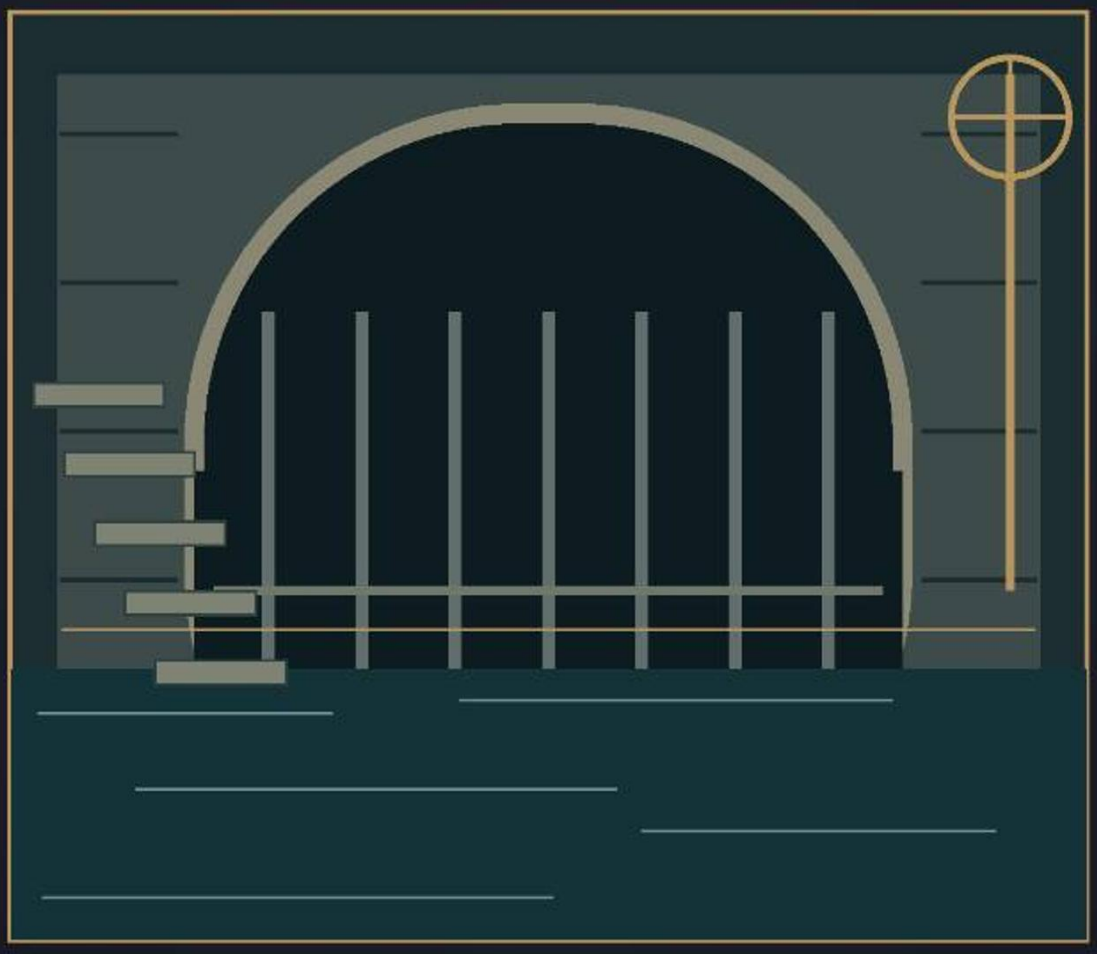
Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ЧЁРНАЯ ВОДА МЕРРОУ

КНИГА СЕДЬМАЯ

Алекс Вестфорд

Чёрная вода Мерроу

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Чёрная вода Мерроу / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Июнь 1933 года. Во время работ у старой мельницы понижают воду — и на нижней площадке находят Руперта Холлиса. В деревне уверены, что тело принесло рекой. Но за железной решёткой есть другой вход, а вчерашний уровень воды помнят совсем не так, как сегодняшний. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид разбираются в споре о береговой дорожке, двух платах за один коттедж и телефонном вызове, который отменили прежде приезда врача. Тем временем женщина, много лет отрицавшая знакомое имя, признаёт цену своего молчания. Её старое письмо выводит расследование исчезновения Элеоноры Вейл к дому, где однажды дали приют Рут Лейн. Седьмое самостоятельное дело серии «Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора».

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Чёрная вода Мерроу 5
Глава 1. Нижняя ступень 6
Глава 2. Место под водой 11
Глава 3. Чужие ключи 15
Глава 4. Два фунта 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алекс Вестфорд
Чёрная вода Мерроу

Чёрная вода Мерроу

Алекс Вестфорд

Глава 1. Нижняя ступень

Бен Притчард пришёл к мельнице с новой жестянкой для масла и двумя ломтями хлеба, завёрнутыми вместе с ней. Тётка не позволила взять отдельный пакет. Сказала, двадцать лет, а собраться на работу всё ещё требуется чья-то помощь. Бен ответил, что масло не съедобное, тётка велела не умничать и дала третью корку.

Жестянка протекала. Пока дошёл до нижней дорожки, бумага потемнела, хлеб запах железом. Он развернул, понюхал, решил, что к полудню запах выветрится. Сзади окликнули.

— Есть будешь — вымой сначала руки, — сказала Мейбл Парк.

Она стояла у своей калитки, прижав локтем корзинку с бельём. В саду за нею Эдмунд искал ключ. Не от мельницы, тот был на кольце у пояса, а от ящика, который собирался взять. Бен уже знал: спросишь, помочь ли, сердито откажет; не спросишь, потом заметит, что другой человек мог бы и догадаться.

— В замке оставили, — сказал он через ограду.

Парк выпрямился. Ключ оказался на месте. Мужчина дёрнул ящик вверх, зацепил о ручку корзинку жены, остановился, не успев рассердиться вслух. Мейбл молча передвинула бельё. С последних дней мая она вообще отвечала короче. На прошлой неделе в дом опять приходил полицейский из Бриарли, спрашивал о газете. Эдмунд с тех пор почитывал старые новости на обороте бумаги, которой заворачивали покупки, будто требуемый ответ мог попасться между ценой на яйца и чужими похоронами.

Бен ждал на дорожке. Отсюда виднелся верхний край мельничной крыши. Вокруг дымника выросла трава; Нора Холлис хотела нарисовать её прежде, чем отец велит очистить. Руперт Холлис считал, что красивая трава не должна разбирать его дом по камню. Дочь отвечала, что это ещё не дом, а прежде всего пустующая мельница, и спор переносился на другие предметы.

Парк вышел, запер калитку. Ящик Бену не отдал.

— Сегодня нижнюю ось посмотрим. Не лезь, пока сам не скажу.

— Вчера вы сказали, сегодня я.

— Сегодня и посмотрим.

Бен сунул хлеб в карман. Значит, опять постоит с лампой. В старом насосе на ферме ему уже позволяли самому ставить клапан, но возле мельницы всякое дело почему-то немедленно становилось достаточно серьёзным, чтобы взрослый взял инструмент обратно.

Парк остановился возле двора, переложил ящик в другую руку. Бен протянул ладонь, на этот раз получил тяжесть без спора. Пошли рядом, молчали, пока на дорожке хватало ширины. В саду у первого дома женщина подняла пустую корзину и попросила, если увидят хозяина, напомнить про насос. Механик кивнул. Бен решил, что сам не забыл бы такого поручения, а через десять шагов уже не мог вспомнить, к какому именно из двух дворов оно относилось.

— На бумаге надо, — сказал Парк, заметив, как оглянулся.

— Запомнил.

— Тогда мне потом напомнишь.

Юноша полез в карман за обрывком. Там лежал хлеб и новая маленькая гайка, которую вчера купил на свои. Хотел собрать дома простой зажим, чтобы не держать мелкую деталь пальцами, пока работает. Парк о гайке не знал. Бен собирался показать готовое, чтобы не объяснять заранее, почему решил сделать иначе.

Механик всё-таки заметил блеснувший металл, спросил размер. Юноша назвал. Парк подумал, ответил, что понадобится шайба. У него есть, можно потом взять из бокового отделения.

— Я ещё ничего не сказал, зачем она, — возразил Бен.

— Для зажима, наверное. Ты вчера смотрел на мой.

Стало неприятно, будто готовый результат отняли прежде, чем успел сделать. Потом Бен спросил, зачем шайба именно там. Парк показал на ладони, где распределится нажим, попросил вспомнить, какой металл у основания. Объяснение оказалось коротким и полезным. Юноша решил, что шайбу возьмёт, но всё-таки соберёт сам, не принесёт незаконченный узел на чужой стол.

У мостков ящик пришлось поставить. Парк вытер лоб, взглянул на нагретую дорожку. До работы ещё не добрались, а сил уже ушло достаточно. Бен впервые подумал, что тяжесть отдают ему не только из великого доверия к двадцатилетнему помощнику. Взрослый человек рядом тоже может устать, даже если обычно не называет это вслух.

— Дальше понесу, — сказал юноша.

Парк кивнул, позволил. В другое утро Бен непременно стал бы считать это маленькой победой. Сегодня, на следующий день после всех вчерашних обещаний закончить осмотр, ящик оказался просто вещью, которую надо было донести вдвоём.

День обещал быть жарким. В четверг на этой дорожке обычно пахло мокрым бельём, сейчас сильнее тянуло илом. Вода держалась высоко, почти у тёмной полосы на кладке. Под мостками покачивался обломок ветки, зацепившийся за железо. Бен был здесь вчера после обеда, когда виднелись нижние камни. Теперь они исчезли. Он посмотрел на Парка.

— Кто наполнил?

— Узнаем.

Механик поставил ящик на сухое место, нагнулся над верхним затвором. Устройство было старым, простым с виду, тяжёлым в обращении. Когда Бен только начал ходить с Парком, казалось, достаточно повернуть рукоять — и вода слушается. Потом понял, почему мастер сперва идёт смотреть на другой конец отвода, кого-нибудь зовёт и лишь после этого позволяет трогать железо.

От реки сюда отходил узкий рукав, огибал мельницу и ниже снова выпускал воду к лугу. Основное русло шло за ольхами. В детстве Бен путал эти две воды, пока однажды не получил по шее за попытку перегородить досками именно ту, от которой зависел огород его отца. Колесо давно стояло. Отвод сохраняли ради насосов, старых сооружений и привычки спорить о правах, которыми никто не пользовался так, как пользовались деды.

Нижний спуск закрыли. Парк проверил положение, вернулся к верхнему впуску.

— Сначала перекроем здесь. Потом откроем внизу. У ворот стой, если кто сунется, скажи, работаем.

— Сам увижу, когда можно идти?

— Увидишь. А разрешу я.

Бен отвернулся, чтобы мастер не заметил лица. У ворот уже висел лист: седьмого и восьмого июня вода будет понижена для осмотра. Нижний угол размок, цифра восемь свернулась в трубочку. Он расправил, прижал гвоздиком, нашёл рукой карман, испачкал объявление маслом. Теперь осторожность Парка выглядела не совсем обидной.

К мельнице подошла женщина в светлой шляпе. Мариан Кроу несла небольшую сумку, сверху торчала лента с бахромой. Бен помогал ей зимой переносить тюки, знал, что это образец, который женщина показывает заказчицам, когда те ещё не решили, какая именно из чужих комнат должна получиться у них дома.

— Опять спускаете? — спросила она.

— По объявлению, — ответил Парк.

— Я вижу объявление. Вчера всё кончили, я думала.

— Вал не кончили. Сегодня продолжим.

Кроу посмотрела на ящик. Подбородок у неё был маленький, решительный; при торговле она умела чуть поднять его и заставить человека услышать цену как окончательную. Сейчас

эта привычка ничего не давала. Парк собирался осматривать нижнюю часть и не обращался к ней за разрешением.

— Мистер Холлис сам вчера смотрел, — сказала она. — Надо было при нём решить.

— Он вас просил наполнить?

— Фоссу требовалась вода. Вы с ним поговорите. У меня сегодня привезут ящики, я не хочу опять искать людей среди всей этой грязи.

Парк вытер ладонь о брюки. Спросил, в какое время привезут. Кроу ответила, что к десяти; он велел пока держать двор свободным и пообещал, что к её лестнице никто ничего не прислонит. Женщина кивнула, достала ключ от верхних комнат. После мельничного грохота там теперь слышались швейная машинка, голоса заказчиц и иногда спор о том, кто должен оплатить доставку вещи, которая на картинке казалась гораздо меньше.

— Холлис сегодня придёт? — спросил Бен.

Он хотел спросить про новую доску у мостков. Вчера хозяин заметил, что Бен испортил край шурупом. Сам ещё до обеда велел взять не тот размер, а позднее считал чужую работу неудачной без всякого собственного участия.

Мариан уже открыла наружную дверь.

— Он не обязан каждый день приходить. Вчера вечером был.

— Когда? — спросил Парк.

— После того, как воду вернули. Мы говорили наверху. Я не смотрела на часы.

Она вошла. Дверь оставила приоткрытой, в сенях стало слышно, как ударяется о ступени край её сумки. Бен поднял ящик, понёс к внутреннему проходу. Парк позволил нести до двери и только там забрал.

* * *

Вода уходила медленно. Сперва на стене появилась широкая мокрая полоса, затем выпуклый камень с выбитым углом. Бену нравился этот момент: знакомое место открывалось снизу, показывало лишние ступени, ржавые петли, вещи, которые бросили давно и по разным причинам не подобрали. Сегодня в решётке застряла белая тряпка. Он показал Парку, тот велел оставить до осмотра.

Они прошли через бывшую зерновую комнату. Здесь лежали два пустых мешка, у стены стояло колесо от тележки. Швейные комнаты Кроу находились выше, пахли утюгом и тканью; внизу сохранялся прохладный мучной запах, хотя молоть перестали задолго до того, как Бен начал работать. Сквозь доски потолка доносились шаги. Женщина двигала стул, потом открыла окно.

Дверь к нижним ступеням не запирали. Парк отодвинул её так, чтобы не захлопнулась, поставил ящик возле порога. На косяке белела старая царапина, в ней лежала каменная пыль. Бен включил переносную лампу, поправил провод. Света от верхнего окна хватало до третьей ступени. Дальше даже утром приходилось видеть то, что позволял небольшой жёлтый круг.

Нижний карман называли кладовой, хотя хранить в нём теперь можно было разве что собственное терпение. Каменный свод нависал над площадкой, со стороны отвода её закрывала неподвижная железная решётка. За ней вода, опускаясь, показывала узкие вертикальные просветы. Бен любил смотреть оттуда на свет: казалось, вышел в подвал под рекой. Парк запрещал задерживаться. Пока нижний проход не проверен, сверху могли передумать насчёт воды.

На четвёртой ступени Бен остановился. Лампа освещала край площадки, стену и чей-то ботинок. Сначала он решил, что вчера оставили сапоги. Потом увидел ногу в тёмном носке, брюки, пальцы руки возле камня.

— Мистер Парк.

Механик возился с крышкой ящика.

— Не держи за провод.

— Здесь человек.

Парку хватило того, как было произнесено последнее слово. Он подошёл, взял лампу. Бен почувствовал, что может отпустить только после повторного движения чужой руки. Сам держал так крепко, словно лампа спасала от необходимости идти дальше.

Мужчина лежал боком под сводом. Плечо упиралось в камень, голова была обращена к лестнице. Одна пола пиджака зацепилась за нижнюю скобу, другая прилипла к телу. Возле лица ещё стояла вода. Бен не мог понять, дышит ли человек: каждый маленький толчок воды казался движением губ.

Парк спустился на ступень ниже, позвал:

— Мистер Холлис?

Бену стало неприятно от имени. Пока имя не произнесли, ещё можно было думать о чужом пьяном, которого найдут, отругают и отправят домой. У Руперта Холлиса была дочь, хороший дом и манера сначала выслушивать объяснение, потом всё равно повторять собственный вопрос. Вчера он поправлял край доски носком именно этого ботинка.

— Беги к Таррант, — сказал Парк. — Пусть звонят врачу. И Эллиса сюда. Скажи, нашли человека внизу, в мельнице.

— Вытянуть?

— Я посмотрю. Беги.

Парк отдал лампу на верхнюю ступень, подвинул так, чтобы свет падал на лицо. Бен слышал позади своё имя, не разобрал остального. Вернулся к двери, спросил, что сказать ещё. Механик взглянул на него и повторил те же слова медленнее.

Во дворе Мариан открывала створку окна. Спросила сверху, зачем он бегает. Бен остановился, поднял голову. Пришлось назвать Холлиса второй раз. Женщина исчезла от окна. Он не дождался, пошёл быстрым шагом, потом опять побежал.

* * *

Энни Таррант принимала хлеб. Возчик держал лоток на плече, тётка считала булки, каждая требовала отдельного касания. Бен втиснулся между ними, сказал про мельницу. Она сразу оставила лоток на прилавке, повела племянника к телефону.

— Не все разом. Где?

Он показал руками, будто от этого стало понятнее. В нижнем кармане, у ступеней, дядя Эдмунд там. Назвал Парка дядей, хотя они не были роднёй и тётка не любила такой привычки. Сегодня не поправила.

Позвонила Литтону в Бриарли. Объяснила дорогу, спросила, услышал ли. Потом местному констеблю: жена Эллиса обещала немедленно послать за мужем. Таррант положила трубку, поставила перед Беном воду. Он выпил, обнаружил на стекле масляный след от пальцев.

— Хлеб у тебя где?

— В кармане.

— Положи здесь.

Тётка развернула, понюхала. Ничего не сказала о предупреждении, об отдельной бумаге или о его возрасте. Убрала хлеб в пустую миску, приготовила взамен два куска пирога с картошкой. От этого захотелось заплакать. Бен рассердился на себя и попросил перестать собирать ему еду, когда человек в воде.

Энни посмотрела на него. Завернула пирог, оставила лежать.

— Я с тобой не пойду. Здесь надо дождаться ответа. Передай Парку, едут.

Возчик стоял у двери. Услышав имя Холлиса, снял шапку, потом сообразил, что ещё ничего толком не знает. Бен протиснулся мимо, на этот раз не побежал. После телефонного разговора всё стало происходить медленнее, чем позволяли ноги.

У мельницы уже была Кроу. Стояла внизу, на сухом полу зерновой комнаты, держала обе руки на спинке стула. Парк вышел из прохода. Рукава намокли, лампа оставалась за спиной.

— Не подняли? — спросил Бен.

— Лицо из воды вывел. Дышать не слышу. Доктор где?

Бен передал тёткины слова. Парк послал его к воротам встретить машину. Мариан спросила, Холлис ли это точно. Мужчина ответил, что да. Она опустила голову, посмотрела на бахрому, всё ещё торчавшую из сумки.

— Я же с ним вчера разговаривала.

Парк молчал. Потом сказал, больше не наполнять, никому не позволять трогать рукояти. Сам вернулся к лестнице.

Бен вышел на солнце. Нижние камни окончательно показались над уходящей водой. Тряпка в решётке оказалась не тряпкой, а белым карманом вывернутой подкладки; он понял это только теперь, когда знал, куда смотреть. От ворот пошёл навстречу Эллис, застёгивая китель на ходу. Следом торопилась тётка Холлисовой служанки, уже успевшая узнать достаточно, чтобы захотеть увидеть самой.

Констебль остановил её у забора, спросил Бена, где Парк. Юноша показал. Эллис велел остаться снаружи, если возможно — посидеть. Бен сел на перевёрнутый ящик. Жестянку с маслом всё ещё держал в руке, хотя теперь не мог вспомнить, зачем вообще принёс её к этой воде.

Глава 2. Место под водой

Рид завтракал стоя. Нелл заняла стол выкройкой, расправила бумагу поверх хлебных крошек и несколько раз попросила брата не ставить чашку. Когда из участка позвонили, он обрадовался возможности уйти прежде, чем сестра спросит, долго ли ещё будет стоять возле её локтя.

В прихожей обнаружил, что взял чужую шляпу. Нелл одолжила подруге старую, та вернула вчера, обе лежали рядом. Сержант снял, посмотрел на ленту, вернулся за своей. Сестра смеялась уже после того, как дверь закрылась.

В участке Уитмор ждал у телефона. Не торопил, передал записанный адрес. Мерроу, мельница, человек найден в нижней части строения после спуска воды. Эллис просил приехать. Врач на месте, тело пока не вынесли.

— Холлис, — сказал инспектор. — Землемер прежде. Дом и мельница его.

Рид взял другую папку со своего стола. Вчера вечером собирался ещё раз посмотреть майский ответ Мейбл Парк, теперь сунул вместе с чистой книжкой.

— Расписку привезли? — спросил Уитмор.

— Копию. Оригинал дадут осмотреть. В записи два фунта и «М. Парк». В конторе утверждают, что она расписывалась при получении. Их тогдашний служащий умер, сам человек подпись не подтвердит.

— Сегодня Эллису про это пока не надо. Он о другом вызвал.

Сержант кивнул. После дополнительного майского вопроса Мейбл ответила Нортону, что газетное обращение могла читать, но ни за какими деньгами не ходила. Теперь ответ лежал у него в кармане, напротив ещё не проверенной копии. Поездка к воде вдруг соединяла две причины, которые он предпочёл бы разбирать по очереди.

За городом проехали фургон с молочными бидонами. Водитель махнул инспектору, Уитмор ответил поздно, уже после поворота. Рид подумал, что знает человека в лицо, но имя вспомнил только у старой мельничной дороги. Не стал произносить: инспектор был занят развилкой, в мае они уже успели выбрать здесь неверную сторону.

На этот раз не ошиблись. У ворот мельницы стоял констебль, рядом молодой человек прижимал ладонь к колену, оставляя на ткани тёмные отпечатки. Эллис вышел навстречу. За его плечом вода в узком отводе почти не двигалась, зато ниже, где выпускали, слышался непривычно сильный шум.

— Сам велел продолжать? — спросил Уитмор.

— Парк уже открыл. Пришёл — шло вниз. Попросил остановить любые другие действия. Он говорит, теперь не трогать лучше. Доктор там.

Констебль указал на внутреннюю дверь, провёл через зерновую комнату. У порога остановился.

— Он сначала голову приподнял. Парк. Сказал, лицо в воде было, думал помочь.

Уитмор попросил показать это самому Парку после осмотра. Вышел доктор Литтон, увидел знакомых, не удивился. На рукаве пиджака лежала мокрая полоса; сумку поставил возле окна, где было светлее.

— Умер, — сказал он. — К моему приходу давно не дышал. Возле шеи есть повреждение. Здесь всего не осмотрю.

— Что уже изменили?

— Я воротник раскрыл, голову повернул немного, руки посмотрел. Дальше, как был. Парк расскажет, как застал.

Инспектор спустился. На третьей ступени пришлось пригнуть голову, на пятой — повернуться боком, чтобы не закрыть свет лампы. Нижняя площадка оставалась мокрой, в швах

между камнями стояли лужицы. Тело лежало у стены, носками к решётке. Слева торчала железная скоба, за которую зацепилась пола пиджака. Под головой теперь находился сложенный кусок мешковины.

Парк показал сверху, где прежде было лицо. Пришлось потянуть за плечо, голова ушла от камня, он подсунул ткань, которую принёс с собой для работы. Думал вынести, но одному тяжело, а лестница узкая. Позвал опять, ответа не услышал. Потом пришёл Эллис.

Рид записал. Мешковина оказалась вырезана из вчерашнего рабочего мешка, лежавшего наверху. Парк сам вынул оставшуюся часть, показал чистый срез. Она не была тайным предметом возле погибшего до обнаружения.

— Куда ступали? — спросил сержант.

Механик показал две нижние ступени, край площадки. На дальнюю сторону не ходил. Бен стоял выше, только передал лампу. После него доктор, констебль до тела не спускался. Рид попросил пока оставить обувь как есть, не обмывать у воды. Парк посмотрел на свои башмаки с досадой: теперь даже грязь на них сделалась чужим делом.

Под сводом было тесно, но Уитмор сумел просунуть руку к воротнику, не касаясь шеи. На коже виднелась полоса, ниже — другое тёмное место. Литтон остановил движение инспектора жестом.

— Воротник от воды пристал. Не тяните. Снимем там, где можно будет сохранить и ткань, и то, что под ней.

— Верёвка?

— Возможное давление на шею. Полосы сейчас опишу. Слово «верёвка» в мой ответ пока не вписывайте.

Он говорил привычно нетерпеливо, но без желания прочесть лекцию. В нижнем кармане не хватало воздуха, а на свету верхней комнаты ждали люди с вопросами, на которые они хотели бы получить более удобные ответы.

* * *

Когда сделали снимки, приготовили перенос. Парк принёс широкую доску, на которой вчера везли инструменты. Литтон проверил, где поддержать голову и плечи. Эллис отослал из прохода женщину, выглядывавшую из верхних комнат, освободил дверь. Вчетвером поднимали медленно, останавливаясь на каждом повороте. Рид запомнил, как задевают рукавом дерево, куда приходится переставлять пальцы. Человека, который утверждал бы, что незаметно унёс отсюда взрослое тело под мышкой, он хотел бы потом расспросить особенно подробно.

Наверху открыли ещё одно окно. Холлис лежал на приготовленном месте, прикрытый простынёй, которую принесла Мариан Кроу. Доктор спросил, новая ли. Женщина ответила, что из заказа, чистая, потом отдельно пояснила: за неё платить не нужно. Уитмор поблагодарил, назвал ей место, где можно подождать.

Теперь внизу можно было рассмотреть всё, что прежде закрывало тело. Неподвижная решётка шла от каменного пола почти до свода, вверху пространство закрывала кладка. Просветы узкие, местами держались ветки, водяная трава. Эллис с наружной стороны показал рукой, где именно белела подкладка. Она зацепилась краем за железо и высунулась в отвод, сам мужчина находился внутри кармана.

— Люди у ворот говорят, принесло, — произнёс констебль.

Рид просунул пальцы в промежуток. Ладонь проходила, запястье задевало оба края. За его спиной Уитмор осветил стены, нашёл три ржавые головки крепления, ещё несколько ниже. Сфотографировали, не стали отворачивать сразу.

— Решётку снимали? — спросил инспектор у Парка.

— При мне нет. Вчера её не трогали. Вал хотели смотреть с площадки, вот за этой стеной. Указал бы, если позволите.

Механик показал, не входя. Литтон раньше просил не переставлять вещи на полу, теперь Парк даже носком не желал отмечать направление. Рассказал про тесный проход, старую ось, место под ремонт. Прежде карман осушали редко, в этом году дважды. Сюда спускались люди, которым требовалось увидеть низ старого механизма, а не прогулочную воду.

Уитмор вернулся к двери над ступенями. Порог находился выше обычного наполнения; вода не заливала зерновую комнату. Запора изнутри не было, замок старый, ключом давно не пользовались.

— Попасть сюда можно через дом, — сказал он Эллису. — Кто ходил вчера, узнаем.

Констебль кивнул. Вытянул из кармана начатый список: Парк, помощник, Кроу, привезший доски возчик. Фосс ещё не найден. С улицы вновь закричали о человеке, которого принесла река. Эллис пошёл разбираться, не сердясь на громкость. До решётки пришедшие пока не дошли.

* * *

Нора Холлис приехала с женщиной постарше. Та вышла первой, спросила доктора, где отец. Дочь задержалась у машины, подняла с сиденья папку, сама же недоумённо посмотрела на неё. Привезла работу. Утром уходила с рисунками, получила сообщение в чужом доме, взяла привычное вместе с перчатками.

Литтон заговорил с ней, отвёл к наружной двери. Уитмор оставался в стороне. Нора слушала, однажды перебила: где нашли? Когда ответили, посмотрела в сторону воды. Доктор ещё что-то объяснил, она покачала головой.

— Я знаю, что там за ступени. Я маленькая туда с фонарём лазила.

Женщина рядом попыталась взять папку. Нора отдала сразу, будто это было самое полезное, что пока предлагали сделать.

Отца опознала. Вышла через несколько минут, спросила, можно ли посидеть там, где не смотрят с дороги. Кроу принесла стул во двор за зерновой комнатой, поставила у стены. Хотела остаться, Нора попросила воды и этим дала возможность уйти.

Уитмор назвался, сел на край пустого ящика.

— Вчера его видели?

— Дома. После чая. Я собиралась к миссис Орм, она ждала рисунки. Он говорил, сходит на мельницу.

— Вы ушли прежде него?

— Да. Сказал, чтобы не готовили ему рано ужин. У него встреча, опять станут объяснять одно и то же.

Девушка провела ладонью по пыльному краю стула. На пальцах остался серый след. Стерла о собственную юбку, посмотрела, что сделала, и расплакалась от этой неожиданной грязи, от испорченной ткани, от того, что инспектор теперь видит её руки.

Он подождал. Спросил, кто оставался дома. Служанка, но ушла после того, как подала чай. Отец не любил, когда кто-нибудь сидит в кухне и ждёт, хотя сам мог вернуться намного позже, чем обещал. Вчера Нора не вернулась к ужину: осталась у подруги, позвонила домой прежде ухода служанки. Обычно он не возражал. Утром пришла за рисунком другая женщина и передала новость от Эллиса.

— Я не должна была оставаться, — сказала девушка.

— Об этом он вам говорил?

— Нет. Про оставаться — нет.

Она посмотрела на Уитмора уже внимательнее. Инспектор спросил о встрече на мельнице. Отдельного имени отец не назвал, но последние дни сердился на миссис Кроу. К нему пришли люди по поводу коттеджа. Сначала одна женщина, потом письмо от других. Дочь слышала только куски. Отец велел не отвечать от его имени, если будут звонить.

Кроу вернулась с водой. Нора взяла стакан обеими руками. Женщина задержалась возле них, спросила, нужно ли что-нибудь из дома. Девушка ответила, что сама съездит позднее, инспектору сейчас нужны вопросы. Мариан убрала пустой поднос, хотя на него ещё можно было поставить стакан.

— При нём обычно были ключи, — сказала Нора после её ухода. — Из кармана не вынимал, чтобы не искать потом. Даже когда не нужно, носил.

Уитмор обещал передать ей опись после осмотра вещей. Она кивнула и сразу пояснила: не забрать хотела, дома надо запереть рабочую комнату. Вчера отец оставил бумаги на столе. Если дождутся служанки, у неё другой ключ от наружной двери.

— Вы хотите, чтобы кто-нибудь поехал с вами?

Нора посмотрела на машину, где ждала спутница. Сказала, что пока не знает. Потом поднялась, оставила стакан на стуле, вернулась за ним. Маленькие обязанности ещё удавалось завершать, большие не имели понятного начала.

* * *

Литтон уехал с телом. Перед отъездом сообщил инспектору, что осмотр продолжат сегодня; вопросы о причине смерти и времени разделял. Вода, положение, шея, всё требовало работы. От Уитмора хотел получить снимки до переноса и точные слова нашедших, а не деревенское объяснение о несчастном случае.

Рид вернулся от затворов. Составил набросок отвода, поставил два прямоугольника на местах впуска и выпуска. Глядя на рисунок, Уитмор сперва принял один за мостик. Сержант забрал лист, подписал крупнее.

— Парк не наполнял вечером, — сказал он. — Уходил около четырёх. Утром застал полный. Вчера нижний карман был сухим, сегодня тело открыла уходящая вода.

— Кроу говорит, Холлис был после наполнения.

— Говорит. Ещё Фоссу будто вода понадобилась.

Инспектор вышел на мостки. За ольхами шла настоящая река, широкая, безразличная к сегодняшней работе. Внутри рукава уровень продолжал опускаться возле отметок, которые люди привыкли принимать за постоянное свойство места. Уитмор посмотрел на нижний вход, затем на окно верхней комнаты.

— Начнём со вчерашнего дня, — сказал он. — Найдите тех, кто видел воду.

Глава 3. Чужие ключи

В доме Холлиса пахло подгоревшим молоком. Служанка поставила кастрюлю прежде, чем узнала о хозяине, потом так и оставила на плите. Теперь ходила между кухней и гостиной, неся чистую чашку, к которой никто не просил чай.

Нора сидела у окна. Привезшая её миссис Орм раскрыла папку с рисунками, хотела убрать в сторону, заметила на одном мокрый отпечаток и начала сушить край промокательной бумагой. Дочь Холлиса следила за руками женщины с неожиданным вниманием. Это был пока единственный предмет, который здесь пытались исправить.

Уитмор спросил, может ли поговорить со служанкой. Нора позвала её по имени — Эллен. Чашка дрогнула на блюдце. Женщина поставила, вытерла ладонь о передник.

Вчера ушла без четверти шесть. Хозяин перед тем отлучился, когда именно — не посмотрела. После чая, до ухода Норы. Здесь девушка поправила: сама вышла раньше отца, он ещё стоял у своей комнаты. Эллен согласилась. Столько раз в последние дни подавала один и тот же чай, что движения людей в памяти оказались от другого вечера.

— Я убрала, потом готовила холодное, — сказала она. — На ужин, если поздно. При мне вернулся не он. Миссис Кроу заходила.

Уитмор отложил фотографию, которую собирался показать.

— Вчера?

— Да. Я ещё здесь. Хотела пройти в рабочую комнату, но мистер Холлис велел оставить запертой. Я ей сказала.

Нора подняла голову.

— Она заходила после него? Ты мне не говорила.

— Вы не спрашивали. Я думала, вы вместе условились. Она ведь мебель смотрит.

Эллен всё сильнее прижимала пальцы к переднику. Рид предложил ей стул. Женщина ответила, что постоит, затем всё-таки села, положив руки на колени так ровно, будто это могло придать больше порядка и её рассказу.

Кроу прежде помогала Холлису с занавесями и обивкой, знала расположение комнат. Когда готовили дом к приезду Норы, ходила сюда с помощницей, у неё остался запасной ключ от наружной двери. Хозяин собирался потребовать обратно. По словам служанки, недавно опять об этом говорил.

— Сегодня его принесут, — произнесла Нора. — Если он всё ещё у неё.

Уитмор попросил пока самим ничего не забирать. Эллен вспомнила время прихода точнее по собственному делу: собиралась выйти к булочнику прежде закрытия, поставила на стул сумку, когда позвонили. Кроу пробыла недолго. Спросила, не оставил ли хозяин для неё конверт, служанка не знала. В рабочую комнату не пустила, потому что не могла бы отпереть даже при желании. Хозяин носил маленький ключ с собой.

— На кольце? — спросил Рид.

Нора показала пальцами длину. Да, небольшой, светлый, почти никелевый. Рядом большой от входа и другой от садового навеса. Она перебирала их, когда отец просил принести пиджак, запомнила, какой цепляется за подкладку.

Сержант записал, договорился сверить с описью вещей. Эллен спросила, плохо ли сделала, что не отдала конверт, которого не было. Рид ответил, что сейчас выясняют, кто приходил, а конверт ещё никто не нашёл.

— Иначе она сама откроет, — сказала служанка. — Входную дверь. Раз ключ остался.

Инспектор попросил Эллиса оставить человека возле дома и записать тех, кто придёт. Рабочую комнату осмотрят с Норой, прежде чем решать, что менять в замках. Девушка согла-

силась, хотя по лицу было видно: отцовские ключи уже успели стать её первой заботой, от которой тоже предложили отказаться в пользу других.

* * *

Письменный стол стоял боком к свету. Холлис привык работать с большими листами; книги сдвигал в одну сторону, освобождая середину. На краю лежали линейка, нож для бумаги и очки, которые Нора взяла бы в руки, если бы инспектор не остановился у порога.

Дверь была заперта. Девушка сама попросила вызвать мастера, чтобы отпереть без лишнего повреждения. Эллен знала человека, жившего через два дома. Пока ждали, Уитмор посмотрел на окна снаружи. Одно оставили приоткрытым в верхней части, нижняя рама запиралась. Под ним рос куст смородины, ветки цепляли рукава. Попасть внутрь иначе, чем через дверь, не казалось невозможным, зато требовало бы гораздо больше шума и старания.

Мастер пришёл с женой, которую Эллис оставил в гостиной. Женщина обиделась, ушла к служанке помогать с молоком. Её муж работал без рассуждений о том, как часто полиция теперь бывает в приличных домах. Открыл замок, показал оставленные на старой пластине царапины, одну новую назвал своей. Рид записал при нём.

Внутри не было беспорядка. Холлис не успел убрать чайное блюдце с подоконника, возле него лежала почтовая карточка. На столе записка Норе: человек из Бриарли спрашивал, в какой день можно увидеть рисунки. Дочь прочла, скривилась. Отец часто принимал такие поручения за неё, не желая потом слушать, почему назначенный час неудобен.

— Это можно мне оставить? — спросила она.

Уитмор посмотрел, позволил переписать. Оригиналы пока решили держать вместе с остальным. Девушка взяла карандаш, начала с имени заказчика, затем переписала и короткую отцовскую приписку: «Скажи сама, чтобы не жаловалась». На последнем слове пришлось остановиться, подождать, пока буквы снова станут видны.

Накануне отъезда к Орм, во вторник, они говорили о цене её рисунков. Отец сам начал: увидел письмо с заказом, спросил, сколько заплатят. Нора назвала, надеясь, что дальше он примется за собственные дела. Холлис отложил очки, подсчитал на полях, сколько выйдет за лист, затем поинтересовался, время на переделку тоже считают или она собирается проводить вечера бесплатно.

Она ответила, что ещё не всё умеет. Отцу этого оказалось недостаточно. Если человек получает работу, должен заплатить за работу; её сомнения не делают его кошелёк менее полным. Нора посмотрела на цифры, написанные поперёк чужого письма, и вдруг рассердилась так, как не сердилась бы на отказ.

— Я сама договорилась. Не надо теперь писать вместо меня.

— Я не пишу. Считаю.

— На моём письме.

Он поднял лист, увидел, что испортил оборот, где стоял адрес, выругался на собственную невнимательность. Предложил чистый конверт. Нора ответила, конверты у неё есть, и тут оба остановились: спор почему-то уже шёл о бумаге, хотя начинался с желания отца ей помочь.

Холлис спросил, что всё-таки должен был сказать. Девушка не знала. Возможно, спросить, довольна ли она сама. Возможно, посмотреть рисунок прежде, чем делить цену. Он взял папку, раскрыл. Увидел ветку, долго рассматривал, повернул к свету. Потом указал, что один лист смотрит не туда, куда на живом образце.

Он был прав. Это оказалось ещё обиднее.

— Там потом исправлю, — сказала Нора.

— Тогда покажешь.

Он отдал папку, вернулся к своему столу. Не потребовал поблагодарить за найденную ошибку. Она ушла, в дверях вспомнила, что сама хотела попросить его принести из сада другую ветку, и не попросила. Принесла утром, укололась, оставила на рукаве крошечную кровь. Отец

заметил, сказал, что ножницы лежат в навесе, незачем ломать руками. Нора ответила резко и весь день думала, что вечером объяснит, почему дело не в ножницах.

Теперь в рабочей комнате стояли чужие люди. На полях письма по-прежнему лежали его подсчёты. Девушка увидела их среди приготовленного к описанию, попросила вернуть вместе с остальным, когда можно будет. Не хотела ни подтверждать отцовскую правоту, ни выбрасывать только потому, что последнее осталось за ним.

— Здесь не расходы фирмы, — пояснила она инспектору. — Он про мою работу считал.

Уитмор посмотрел, уточнил принадлежность листа. Рид спросил, не относится ли верхний адрес к клиенту, о котором уже говорили. Нора показала разницу, назвала человека. В собственных письмах ещё разбиралась уверенно. На минуту это позволило стоять возле стола, не дожидаясь, пока кто-нибудь решит за неё, что сохранить.

Орм из гостиной попросила воды. Эллен пошла на кухню, Нора остановила: сама принесёт. В буфете взяла обычный стакан, затем другой, без скола. Подержала оба в руках, вернула первый. Такая маленькая возможность выбрать вдруг потребовала больше времени, чем следовало бы тратить на стакан. Она принесла воду, дождалась, пока Орм отпьёт, и только после этого вернулась в отцовскую комнату.

В верхнем ящике лежали квитанции и письма. Нора отодвинула руки, предоставив читать инспектору. Он раскрыл конверт, датированный вторым июня. Писала Вера Лестер. Благодарила за возможность снять маленький коттедж у сада, спрашивала, когда можно получить окончательное подтверждение, поскольку миссис Кроу уже приняла плату. Восемьдесят пять фунтов за оговорённое право пользования и обстановку, подробности прилагались на отдельном листе. Женщина просила ответить до того, как она откажется от нынешнего жилья.

— Он говорил об этом за завтраком, — сказала Нора. — Что он ничего не продавал. Коттедж не готов, надо крышу у задней комнаты перестелить. Миссис Кроу обещала потом представить ему предложение. Пока только предложение.

Рид посмотрел на конверт. Письмо пришло по домашнему адресу, обратный был в Бриарли. Отдельного платёжного листа внутри не оказалось. Уитмор спросил, брала ли Нора его прежде. Нет, письмо читала только сейчас.

Рядом лежал начатый ответ отца: условия он не подтверждает, просит предоставить полученную расписку и точное изложение разговора. Текст не закончен, дата не проставлена. Внизу пустовало место подписи. Нора узнала почерк, Эллен позднее рассказала, что хозяин велел приготовить ещё конверты и купить марки. Купила вчера утром, пачка лежала в буфете.

Следующее письмо было от Хью Бранта. Другой адрес, другое число, речь о том же коттедже у сада. Мужчина хотел выяснить, почему миссис Кроу снова откладывает получение ключей, хотя часть денег уже внесена. В самом письме сумма не стояла. Уитмор не стал складывать одно обещание с другим прежде разговора с плательщиками. Попросил Рида выписать оба адреса, конверты оставить вместе.

— Она говорит очень убедительно, — произнесла Нора. — Кажется, уже всё устроено, и только ты по какой-то глупости мешаешь согласиться.

Она задумалась о чём-то собственном. Потом подошла к полке, показала образец ткани, который отец выбрал для её комнаты. Рядом, в свёртке, оставалась другая расцветка. Кроу принесла по просьбе Норы, но говорить при Холлисе о новой цене не захотела. Девушка сама заплатила разницу. Тогда сочла женщину единственным человеком, который здесь понимает, почему ей не хочется жить в комнате десятилетней девочки.

Теперь образец лежал в её ладони так, словно и он требовал объяснения. Уитмор попросил не выбрасывать. Нора с досадой ответила, что и не собиралась, потом сама извинилась за резкость.

* * *

Кроу встретили на мельнице. Заканчивали выгружать обещанные ящики, возчики спрашивали, куда ставить. Мариан держала счёт, называла верхнюю комнату, но запрещала заходить на лестницу двоим сразу: дерево старое, груз тяжёлый. Один мужчина спросил, вернут ли ему потерянное время. Женщина ответила, что прежде надо закончить разгрузку. Впервые с приезда полиции она произнесла это обычным голосом.

Рид подождал, пока освободят проход. Спросил, когда вчера она была у Холлиса дома. Кроу поправила край шляпы.

— До вечера. Около половины шестого, может, позднее. Эллен там была. Я искала конверт.

— С чем?

— Холлис обещал письменно изложить свои возражения. Мы никак не могли закончить один разговор.

Она посмотрела на инспектора, поняла, что имя Лестер уже прочитано. Объяснила, что речь не об обмане, а о предварительной договорённости. Люди хотят всё устроить прежде сезона, собственник требует ждать, затем сердится, если за него сделали шаг. Деньги предполагалось зачесть после окончательного согласования. В случае отказа придётся вернуть.

— У вас есть полная сумма для возврата? — спросил Уитмор.

— Это уже проверка моего дела?

— Я спрашиваю, о чём вы вчера спорили с Холлисом.

Мариан сжала счёт. Сказала, что спорили не о возможности вернуть, а о том, как он описывал её работу. Она не беглая мошенница с вокзала. У неё поставщики, заказы, люди в деревне платили ей годами.

— И вторые люди по тому же коттеджу, — добавил Рид.

Женщина замолчала. Из верхней комнаты крикнули, где новые петли. Она повернула голову, назвала ящик, дождалась, пока перестанут перекладывать вещи. Потом сказала, что Бранты не получили окончательного обещания и в письме наверняка написали так, как им удобнее.

Уитмор попросил показать переписку и собственные записи о деньгах. Кроу согласилась, но не сейчас: часть дома, часть в книге, ей надо собрать. Договорились, что Эллис придёт с нею после необходимых разговоров, материалы останутся в существующем порядке. Мариан спросила, может ли сперва пригласить поверенного. Инспектор ответил, что может, и оставил время, когда её будут ждать.

О вчерашнем вечере рассказала подробнее. После ухода рабочих сама закрыла нижний спуск и дала воду через верхний впуск. Фосс хотел проверить лодку в тихом рукаве; у реки течение, ему удобнее здесь. Кроу привыкла делать это, когда Холлис разрешал, ничего особенного. Воду вернули, позднее пришёл хозяин, поднялся в её комнату, поговорили. После шести, ближе к четверти седьмого.

— Кто ещё был наверху?

— Никого. Разве недостаточно, что я его знаю?

— Во что был одет?

Она назвала тёмный пиджак, галстук, ботинки. Описание согласовывалось с одеждой найденного. Уитмор спросил, когда ушёл. Кроу не знала точного времени. Она собиралась к заказчице, на нижнюю дорожку вышли порознь. Кто куда повернул, не смотрела.

Рид заметил, что оба раза женщина говорила о времени осторожнее, чем о нужде Фосса наполнить отвод. Спросил, обращался ли тот к ней лично. Да, накануне обмолвился, она обещала помочь. Имени заказчицы Мариан не забыла, назвала адрес. Сержант записал, предложил проверить самой, верно ли услышал.

— Не предполагала, что придётся помнить, как кончается всякий обыкновенный день, — сказала Кроу.

Из двора снова позвали: счёт оставался у неё. Она развернула измятый лист, некоторое время расправляла, словно прочесть цифры было важнее, чем закончить разговор с полицией.

* * *

Фосса нашли у лодочного сарая ниже по реке. Сидел на перевёрнутом корыте, рубанком снимал тонкую стружку с планки. Услышав вопрос о Холлисе, встал, спросил сразу, что случилось. Эллис передал кратко. Плотник выругался, потом посмотрел на инспектора, но извиняться не стал.

Вечером возле мельницы был. Спорил с хозяином о проходе вдоль ограды раньше, в понедельник; вчера человека не встретил. Подошёл к воде, посмотрел на новое объявление, ушёл. Час — около семи, после еды. Жена ждала помощи с тяжёлым шкафом, он не торопился домой и теперь недовольно признался, почему.

— Миссис Кроу наполнила отвод для вас, — сказал Рид.

— Для меня?

Фосс положил рубанок на корыто, перестал качать ногой.

— Я просил на субботу. Нужна тихая вода, лодку проверить, да. Она это знает. Вчера мне зачем? Ещё днище не закончено.

Он показал корпус под навесом. На киле оставалось открытое место, рядом лежали заготовки. Одного взгляда не хватало, чтобы установить весь вчерашний день, но лодка действительно была не готова к пробе. Фосс сам предложил посмотреть заказ, если не верят.

— Она могла понять неправильно, — сказал инспектор.

— Могла. Только мы ещё о субботней доставке говорили. Телегу договорились. Я же лодку не понесу на голове.

Рид записал имя возчика. Фосс проводил их до забора, спросил, нужно ли запирать сарай. Эллис ответил, что хочет ещё поговорить о дороге к мельнице, а пока ничего не трогать в лодке и сохранить книгу заказов. Мужчина вздохнул. На протяжении сегодняшнего утра все его вчерашние дела постепенно становились причиной не заканчивать нынешние.

Уитмор посмотрел на реку. Здесь вода шла по-прежнему, мальчишка на другом берегу распутывал леску. Вчерашнее вечернее наполнение малого рукава могло быть простой ошибкой. Могло оказаться исполнением чьей-то просьбы, которую ещё предстояло найти. Но теперь у этой просьбы появилось два разных дня, и сама вода уже не могла выбрать за них правильный.

Глава 4. Два фунта

Мейбл встретила мужа у калитки и спросила про рубашку. Эдмунд принёс её в свёртке: переоделся у Эллиса, мокрую одежду попросили сохранить для описания. Теперь она лежала между ними в чужой обёртке. Женщина хотела взять, он не позволил.

— Постирать нельзя.

— Я ещё не потянулась.

Он перевёл дыхание, протянул свёрток сам. Мейбл отступила, открыла дверь в кухню. На плите стояла кастрюля, рядом на тарелке сохли нарезанные овощи. Она не помнила, зачем именно сняла крышку, прежде чем идти встречать мужа, и от этого рассердилась на него сильнее.

— Сядь. Поешь, пока горячее.

Эдмунд сел, но ложку не взял. Рассказал, где Бен увидел ботинок, как сам спустился, какие были тяжёлые плечи у Холлиса. На последнем Мейбл отвернулась к окну. Парк заметил, понял по-своему, замолчал.

Суп начали в тишине. Через несколько минут он спросил, не приходили ли к ней. Жена ответила, что пока нет. Эдмунд посмотрел на дверь.

— Придут. Тут каждого вчерашнего спросят. Ты ведь у Мариан шила?

Мейбл поставила ложку, слишком осторожно, чтобы не было слышно. Сказала, что не весь день, он знает. Парк кивнул, продолжил есть. С его стороны вопрос закончился там, где появился ответ. Она почти позавидовала.

Уитмор и Рид пришли после обеда. На столе оставалась одна тарелка, Эдмунд уже ушёл отнести Эллису рабочую записку. Мейбл увидела полицейских через окно, успела убрать тарелку и переставить сахарницу на то самое место, где лежало прежде перевёрнутое письмо. Теперь там ничего не было.

— К мужу? — спросила она у двери.

— И к вам, — ответил Уитмор. — Если можете поговорить.

Она пропустила. Собаку вывела в сад, хотя та даже не подошла к гостям. Рид не стал садиться, пока хозяйка не выбрала себе стул. Мейбл осталась у плиты.

— Я про утро ничего не знаю. Эдмунд рассказал, но я сама не видела.

Инспектор спросил о вчерашней работе у Кроу. Женщина поправила рукав, провела большим пальцем по пустому месту у манжеты, где обычно держала булавку.

— Иногда помогаю. Разложить, прострочить длинное. На машинке ей самой некогда. Что было вчера, у Мариан спросите.

— Спрошу и у неё. В какое время вы пришли?

— После полудня. Точного не скажу.

— Была с вами кто-нибудь ещё?

— Там люди входили, не всех я знаю. Вы меня уже в мае спрашивали, я и тогда сказала: я не могу помнить за всех.

Рид раскрыл книжку, но не начал писать. Уитмор посмотрел на хозяйку.

— Сегодня я не спрашивал о незнакомых вам пассажирах.

Она отвернулась. В печке что-то щёлкнуло, Мейбл взялась за ручку кастрюли, хотя переставлять не требовалось. Инспектор подождал, затем вынул сложенный лист.

— По старому вопросу пришёл ответ. Здесь выписка из расчётной книги. Два фунта, М. Парк, сведения по объявлению о Рут Лейн. Двадцать третий ноябрь двадцать четвёртого.

— М. Парк не одна я.

— Да. Поэтому пришли к вам. Оригинальную расписку ещё проверим отдельно. Вы Нортону сказали, за деньгами не обращались.

Мейбл посмотрела на лист, не приблизилась. Число можно было различить и с её места. Ей вдруг захотелось попросить, чтобы убрали со стола чужую бумагу: на кухне только недавно удалось отмыть след от горячего утюга, теперь здесь опять собирались разбирать её жизнь.

— Я не крала, — сказала женщина.

— Вы получили эти деньги?

— Я написала им. Потом пришёл человек. Он сам предложил подписать, сказал, так положено для конторы. Никто никого не обманывал.

Рид начал записывать. Мейбл следила за ручкой, как следила в мае, только теперь не отвела глаз. Вспомнила человека из конторы, серые гетры, пузырёк чернил, который он поставил на её стол. Спросила, обязательно ли писать мужа, он разрешил расписаться самой. Она тогда обрадовалась этому разрешению: Эдмунду можно не объяснять.

Два фунта заплатили за сообщение. К тому времени из газеты знала полное имя женщины, возраст, описание серого костюма. Шестнадцатого ноября видела её на станции. Не утверждала, что знала прежде. Было холодно, вошедшая держала руки под мышками, просила позволить постоять у печи.

— Вы с нею разговаривали? — спросил Уитмор.

— Сказала, чтобы не ставила мокрое на лавку. Не думала, что потом об этом столько будет.

Позднее пришла мисс Марш. Оливия Марш, прежде помогала в школьной канцелярии, дом у старого сада. Вошла в зал ожидания, обратилась к женщине: «Рут?» Та ответила, они ушли вместе. Мейбл видела, как направились от станции к деревне, потому что сама тогда вышла вылить ведро.

Имени Элеоноры Вейл при ней не произносили. Кто стоял у ворот, кто приехал тем же поездом, она не могла теперь разбирать. Помнила женщину возле печи и Оливию, которую знала много лет. В письме конторе написала, где живёт Марш. Если родные волнуются и обещают за сведения плату, почему не сообщить?

— В доме у неё были? — спросил Рид.

— В тот вечер нет.

— Значит, знали, куда они пошли от станции, а не где ночевали.

Мейбл зло посмотрела на сержанта.

— Дом стоит на той дороге. Они туда пошли. Я так и сказала тогда.

Уитмор попросил вспомнить собственное письмо. Сохранилась ли копия? Женщина рассмеялась коротко: с чего ей сохранять копию письма о чужом человеке, за которое хотелось поскорее получить деньги? Потом сама услышала, как это прозвучало. Подошла к столу, села.

В сообщении была ещё фраза. Рут приехала без билета, писала Мейбл, иначе почему не показала ничего служащей? Когда составляла письмо, фраза казалась разумной. Теперь, произнеся вслух, она поняла, сколько вещей нужно было забыть, чтобы сделать её разумной до конца.

— Вы собирали билеты? — спросил инспектор.

— Нет.

— Видели, как она отказалась платить или отдала билет кому-то другому?

Мейбл покачала головой. Подняла ладонь прежде следующего вопроса.

— Я это прибавила. Чтобы они поняли, что я смотрела внимательно. Человек за два фунта должен что-то сообщить, не просто что у печки грелась женщина. Там ведь написали, семья беспокоится. Я не думала, что от одного слова ей будет хуже.

Рид остановил ручку. В записной книжке было место для продолжения, но женщина пока не могла продолжить. За окном царапала землю собака. Мейбл посмотрела на звук, поднялась выпустить, села обратно, так и не дойдя до двери.

— Потом мисс Марш спросила меня, зачем я писала, — сказала она. — Люди от них приходили к ней. Я ответила, знали бы сами, куда смотреть, не платили бы чужим. Она тогда сказала…

Женщина прижала ладонь ко рту. Не стала воспроизводить чужую речь слово в слово. Оливия не считала, что помогала несчастной семье вернуть потерявшуюся дочь. Рут, по её словам, искала место, где не заставят возвращаться, и сама просила не говорить родственникам. Мейбл этого прежде не знала, потом уже знала, но про полученные деньги никому не рассказала.

— Их вернули? — спросил Уитмор.

— Не знаю. Мне больше не платили и не писали. Мисс Марш со мной почти не говорила. Рут после того воскресенья я не встречала.

— Почему в мае отрицали само имя?

— Потому что вы пришли. Потому что бумага опять про ту женщину. Я думала, если никто не помнит моих двух фунтов, к чему самой рассказывать, что была за них готова написать. Я и мужу не говорила. Он тогда чинил в чужом доме насос, плату задержали, на уголь занимали. А я принесу и скажу: вот, женщина лишилась спокойствия, зато мы обойдёмся без долга?

Она сказала последнее почти насмешливо, обращаясь к себе. Уитмор видел, что за девять лет оправдание успело стать слишком привычным, чтобы от него можно было отделаться одной сегодняшней фразой. Попросил назвать всё, что знала о Марш сейчас.

Оливия уехала из деревни, живёт в Олдер-Холле у племянницы. Письма отсюда ей передавала Таррант; Мейбл адрес не писала, но видела на конверте, когда собирали деньги прежней школьной служащей к юбилею. Саму Рут или Вейл через неё не искала.

Рид выписал название, попросил у инспектора разрешения зайти к Таррант сегодня. Уитмор кивнул. Приходившего за сведениями человека Мейбл по имени не знала, контору назвала так, как было в ответном письме. Обещала найти обёртку, если сохранилась среди бумаг, не стала уверять, что она непременно существует.

Запись прочли. Мейбл попросила оставить в ней, что про билет придумала сама. Рид показал строку. Женщина перечитала, подписала, долго не возвращала ручку.

* * *

Эдмунд вернулся, когда сержант собирался уходить. Увидел листы, посмотрел на жену. Мейбл попросила его остаться: не хотела ещё раз рассказывать потом. Говорила сбивчиво, начиная с угля, хотя начинать следовало с женщины у печки. Муж выслушал до конца.

— Ты мне сказала, шитьём получила, — произнёс он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.